

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЖОНУ ЭДУ,
ПЕРЕЖИВАЮЩЕМУ О ТОМ,
ЧТО ЕМУ ЕЩЕ НИЧЕГО НЕ ПОСВЯЩАЛИ

ПРОЛОГ

Утро выдалось мрачным и серым, над улицами столицы висел туман. Все корреспонденты сошлись во мнении, что погода для похорон более чем уместная.

Они стояли за бархатным шнуром, по одну сторону от входа во дворец, обменивались сигаретами и мятыми конфетами, на экранах своих телефонов спеша проверить, все ли в порядке с губной помадой. Наконец главные ворота дворца распахнулись, чтобы впустить первых гостей.

Их собралось множество, со всех концов света. Императоры и султаны, эрцгерцоги и вдовствующие королевы, даже кардинал, посланный самим Папой. Члены Конгресса и аристократы, от высокопоставленных герцогов до простых пэров, — все пришли сюда, чтобы почтить память Его Величества Георга IV, покойного короля Америки.

Одетые в траурные черные платья и темные костюмы, они прошли через распахнутые двери в огромный тронный зал. Другого места в столице, способного вместить три тысячи гостей, не было.

Военный салют из серии ружейных выстрелов разнесся над рекой, и похоронная процессия свернула на проспект, ведущий к дворцу. Наступила тишина, густая, как нависший над городом туман.

Журналисты расправили плечи, операторы поспешили настроить объективы.

Никто не произнес ни звука, в то время как в дымке показалась группа фигур: восемь молодых людей из гвардии Ревера, элитного офицерского корпуса, защищавшего Корону. Они отдавали последние почести своему суверену. Гвардейцы несли гроб, задрапированный красно-сине-золотым американским флагом.

Большинство из них с решимостью смотрели вперед. Но один юноша — высокий, со светло-каштановыми волосами и серо-голубыми глазами — то и дело оглядывался через плечо. Вероятно, он начал уставать. Траурная процессия все утро двигалась по улицам столицы. Расстояние, которое напрямик составляло менее двух миль, из-за извилистого маршрута потребовало нескольких часов. Маршрут был разработан таким образом специально, чтобы как можно больше граждан могли проститься со своим монархом.

Все еще с трудом верилось, что короля Георга действительно нет. Ему было всего пятьдесят, когда он умер после неожиданной и трагически закончившейся войны с раком легких.

В нескольких шагах от гроба шла двадцатидвухлетняя принцесса Беатрис — нет, напоминали себе люди, уже не принцесса. После смерти отца она стала Ее Величеством Беатрис Джорджиной Фредерикой Луизой, королевой Америки. К титулу еще предстояло привыкнуть. Америкой прежде никогда не правила женщина.

Когда процессия подошла к воротам дворца, Беатрис опустилась перед гробом в глубоком реверансе. Раздались шелчки камер, будто пробудился рой насекомых — фотографы спешили запечатлеть легендарный момент: молодая королева в последний раз склоняет перед кем-то голову.

БЕАТРИС

Шесть недель спустя

Беатрис не помнила, чтобы во дворце было так тихо.

Обычно в его залах разносилось эхо голосов: дворецкие отдавали приказы лакеям; экскурсоводы проводили занятия с группами студентов; послы или министры преследовали лорда-камергера, умоляя об аудиенции у короля.

Сегодня все было тихо. Чехлы от пыли закрывали мебель, излучая в полумраке призрачное сияние. Даже толпы людей, которые обычно собирались у главных ворот, исчезли, оставив дворец, точно остров среди пустых тротуаров и вытопанной травы.

Беатрис слышала, как позади мама выходит из машины. Сэм и Джефф решили остаться в загородном доме еще на одну ночь. Когда они трое были моложе, то ездили туда вместе — в темном внедорожнике, смотря фильмы на экране выдвигного телевизора, — но Беатрис больше не могла сесть в одну машину с сестрой. Монарху и тому, кто следующим за ним наследовал трон, не разрешалось путешествовать вместе из соображений безопасности.

Она прошла лишь половину холла, когда зацепилась каблуком за старинный ковер. И споткнулась — крепкая рука тут же поддержала ее.

Беатрис посмотрела в серо-голубые глаза своего личного охранника Коннора Маркхема.

— Ты в порядке, Би?

Она знала, что должна сделать ему выговор, ведь он использовал ее прозвище, пренебрегая титулом на публике, так что любой мог услышать. Но Беатрис не могла спокойно думать, когда Коннор держал ее за руку. После этих недель вдали друг от друга эхо его прикосновения огнем пронеслось по ее венам.

В холле зазвенели голоса. Коннор нахмурился и быстро отступил, а из-за угла показались два лакея в сопровождении человека. Черты его лица были жесткими, в волосах проглядывала седина. Роберт Стэндиш служил лордом-камергером у отца Беатрис, а теперь и у нее.

Он отвесил официальный поклон.

— Прошу прощения, Ваше Величество. Мы не ждали вас раньше завтрашнего дня.

Беатрис постаралась не вздрогнуть, услышав обращение. Она еще не привыкла, что «Ваше Величество» относится к ней.

Лакеи начали бегать из зала в зал, сдергивая чехлы от пыли и собирая их в одну кучу. Дворец будто ожил, когда в спешке были открыты декоративные столики и изящные медные лампы.

— Решила вернуться пораньше. Я просто... — Беатрис замолчала, не успев сказать «я просто хотела сбежать». Предполагалось, что месяц, проведенный в Салгрейв, загородном поместье Вашингтонов, станет небольшим отпуском. Но даже в окружении семьи она чувствовала себя одинокой. И утомленной.

Каждую ночь Беатрис пыталась как можно позднее лечь спать, потому что стоило ей закрыть глаза, как приходили сны.

Ужасные, запутанные сны, в которых она была вынуждена снова и снова смотреть, как умирает отец, и знать, что это ее вина.

Беатрис стала причиной смерти отца. Если бы она не кричала на него в ту ночь, не угрожала выйти замуж за своего личного охранника и отказаться от трона, король Георг мог бы остаться жив.

Беатрис подавила вздох. Она знала, что лучше не позволять себе так думать. Иначе ее рассудок камнем пойдет на дно колодца горя, глубже и глубже, но без возможности когда-нибудь достигнуть дна.

— Ваше Величество, — Роберт взглянул на планшет, который всегда носил с собой, — Я хотел бы обсудить некоторые вопросы. Можем ли мы пройти в ваш кабинет?

Беатрис не сразу осознала, что он имел в виду офис ее отца. Который теперь принадлежал ей.

— Нет, — ответила она немного резко. Беатрис не была готова увидеть ту комнату — и встретиться со всеми заключенными в ней воспоминаниями.

— Почему бы нам не поговорить здесь? — добавила она, ведя его в одну из гостиных.

— Отлично. — Роберт прошел за ней внутрь и закрыл двойные двери, оставив Коннора в холле.

Устроившись на полосатом зеленом диване, Беатрис бросила взгляд на три эркерных окна, выходящих на главную подъездную дорогу. Эту нервную привычку она приобрела после смерти отца: изучать окна каждой комнаты, в которуюходишь. Как будто естественное освещение могло помочь ей дышать свободнее.

Или, возможно, она искала путь для побега.

— Ваше Величество, расписание на предстоящую неделю.

Роберт протянул бумагу с тисненым королевским гербом.

— Спасибо, лорд Стэндиш, — сказала Беатрис и замолчала. Она всегда, обращаясь к нему, использовала его полный титул — так сложилось с тех пор, как Беатрис познакомилась с ним в подростковом возрасте, но сейчас... — Могу я называть вас Роберт?

— Для меня это будет честью, — сказал он почти тельно.

— В таком случае вы должны называть меня Беатрис.

Камергер шумно вздохнул.

— О нет, Ваше Величество. Я бы никогда не осмелился на подобное. И я бы посоветовал, — добавил он, — никогда более не делать таких предложений, тем более никому, занимающему служебную должность. Это не вполне уместно.

Беатрис почувствовала себя школьницей, как будто ей снова семь лет и преподаватель этикета треснул ее линейкой по пальцам в наказание за небрежный реверанс. Она заставила себя вчитаться в бумагу на коленях и в замешательстве подняла голову.

— А где остальная часть моего расписания?

В расписании были перечислены только незначительные появления на публике — прогулка за пределами столицы с группой по охране природы, встреча с местными девушками-скаутами — того рода мероприятия, в которых Беатрис участвовала как наследница трона.

— Я должна принять каждого лидера партии из Конгресса, — продолжила она. — А почему на четверг не намечено заседание Кабинета министров?

— Нет необходимости сразу во все это углубляться, — уклончиво сказал Роберт. — Вы были вне поля

зрения общественности с момента похорон. Прямо сейчас людям нужно, чтобы вы дали им уверенность.

Беатрис боролась с чувством беспокойства. Монарх должен править, а не бегать повсюду, пожимая руки, словно он талисман Америки. Для подобного предназначался наследник престола.

Но что она могла сказать? Все, что Беатрис знала о роли монарха, она почерпнула от отца. Теперь он ушел, и единственным человеком, который мог дать ей совет, был Роберт — его правая рука.

Камергер покачал головой.

— Кроме того, уверен, вы захотите потратить следующие несколько месяцев на подготовку свадьбы.

Беатрис попыталась заговорить, но у нее перехватило дыхание.

Она все еще была помолвлена с Теодором Итоном, сыном герцога Бостонского. Но в течение прошлого месяца каждый раз, когда она начинала думать о Тедди, ее разум яростно сопротивлялся.

«Разберусь с этим, когда вернусь, — пообещала она себе. — Сейчас я ничего не могу с этим сделать».

В Салгрейв было легко позволить себе забыть о Тедди.

Никто из членов семьи не говорил о нем. Они вообще мало общались, каждый был погружен в собственное горе.

— Я бы предпочла пока не сосредотачиваться на свадьбе, — сказала она наконец, не в силах скрыть напряжение, прозвучавшее в ее голосе.

— Ваше Величество, если мы начнем планировать сейчас, то сможем провести церемонию в июне, — заявил камергер. — А после медового месяца вы можете провести остаток лета в туре молодоженов.

«Лучше сказать все сразу», — подумала Беатрис, собираясь с духом.

— Мы не поженимся.

— Что вы имеете в виду, Ваше Величество? — спросил Роберт, сжав губы в недоумении. — Что-то... случилось между вами и Его светлостью? — Беатрис судорожно вздохнула, и он поднял руки, пытаясь успокоить ее. — Пожалуйста, простите меня, если я захожу слишком далеко. Но чтобы выполнять свою работу эффективно, мне нужно знать правду.

Коннор все еще стоял в коридоре. Беатрис могла представить его: застыл в стойке гвардейца — ноги стоят твердо, рука рядом с кобурой. В панике Беатрис подумала, слышит ли он их через запертые деревянные двери.

Она открыла рот, готовая рассказать Роберту о Конноре. Это не казалось чем-то сложным; у Беатрис уже был этот разговор с отцом — она вошла к нему в кабинет и сообщила, что влюблена в своего охранника, — в ночь помолвки с Тедди. Так почему она не может сказать это еще раз сейчас?

«Мне нужно знать правду», — настаивал Роберт. Вот только... что было правдой?

Беатрис не знала. Ее чувства к Коннору смешались с эмоциями, которые она испытывала из-за всего произошедшего: страсть, угрызения совести, горе болезненно сплелись.

— Я согласилась выйти замуж, пока мой отец был еще жив, потому что он хотел проводить меня к алтарю, — сумела выговорить она. — Но теперь, когда я королева, не нужно торопиться.

Роберт покачал головой.

— Ваше Величество, именно потому, что вы королева, я предлагаю вам как можно скорее выйти замуж.

Вы — символ Америки и ее будущего. И учитывая текущую ситуацию...

— Ситуацию?

— Это период перехода и неопределенности. Страна оправилась от смерти вашего отца не так легко, как мы могли надеяться. — В тоне Роберта не произошло никаких изменений, не послышалось ни единой эмоции. — Фондовый рынок пострадал. Конгресс поставлен в безвыходное положение. Несколько иностранных послов подали прошение об отставке. Всего несколько, — добавил он, увидев выражение ее лица. — Но свадьба станет объединяющим событием для всех в стране.

Беатрис поняла, что скрывается за этими словами. Теперь она была королевой Америки — и Америку охватил страх.

Слишком молодая, неопытная правительница. Но прежде всего Беатрис была женщиной. Пытающейся управлять страной, которой всегда руководили мужчины.

Если сейчас в Америке царит нестабильность, именно Беатрис была причиной этого.

Прежде чем она успела ответить, двойные двери гостиной распахнулись.

— Беатрис! Вот ты где.

На пороге стояла мама. Аделаида выглядела элегантно даже в дорожной одежде — узких темно-синих брюках и бледно-голубом свитере, — хотя теперь они сидели свободнее, чем раньше.

Горе давило ей на плечи, точно тяжелый плащ.

При виде Роберта королева Аделаида заколебалась.

— Извините, я не хотела прерывать вас.

Камергер поднялся на ноги.

— Ваше Величество, присоединяйтесь к нам. Мы как раз обсуждали свадьбу.